

Владимир ДАХИН

Фрагментация глобального мира

«Короткий двадцатый век», как назвал его Э. Хобсбаум, стремительно перешел во вторую фазу «эпохи крайностей». Новый «мировой беспорядок», начавшийся в 90-х годах минувшего века, стал магистральной тенденцией международного развития, похоронившей целый букет красивых теорий «мира миров», порожденных эйфорией по поводу завершившегося противостояния двух социально-экономических и политических систем. Неправы оказались Ф. Фукуяма с его «концом истории» и – возможно, лишь пока – С. Хантингтон со «столкновением цивилизаций».

На фоне меняющего лицо современного мира глобализма, несущего в своей основе мощные тенденции универсализации, столь же мощно развивается тенденция фрагментации мира, опирающаяся как на разницу интересов, так и на ложные мифы и ценности. Но некоторые аспекты глобализации сами фрагментируют мир. Этот процесс становится настолько заметным, что позволяет аналитикам говорить о «конце глобализации».



Владимир ДАХИН – доктор исторических наук, профессор

Человечество, прошедшее в прошлом столетии через две мировые войны и волны революций, пережившее угрозу уничтожения в эпоху противостояния двух сверхдержав, практически без передышки стало погружаться в трясину национальных и международных конфликтов. Масштабы нынешней гонки вооружений давно превысили уровень времен «холодной войны». Научно-технический прогресс, обусловивший глобализацию, открыл многим странам доступ к современным видам оружия массового уничтожения, еще недавно остававшегося монополией узкого круга «избранных». Теперь любой периферийный конфликт несет угрозу целому региону.

Охватившие всю планету глобализационные процессы сопровождаются другой мощной тенденцией – фрагментацией мира. Мы имеем в виду прежде всего появление региональных интеграционных центров. Однако эта тенденция охватывает не только регионы, но и государства.

Новые страны возникают не путем суверенизации колоний (этот процесс в целом завершен), а за счет распада, казалось бы, устойчивых государственных образований. Причины изменения послевоенных границ были самыми различными, как и формы развала еще недавно

единых государств. Волну сепаратизма, порожденную комплексом внешних и внутренних факторов, остановить пока не удается, и прогнозы аналитиков весьма пессимистичны – они предсказывают возможный распад и других давно сложившихся европейских стран. Прогноз печальный и тревожный, но не такой далекий от реальности, если, например, посмотреть на затяжной правительственный кризис в Бельгии в 2007–2008 гг., преодоленный лишь формально, и сохраняющийся риск раскола страны.

К этому следует добавить появление двух групп государств: теряющие суверенитет «несостоявшиеся страны» или обладающие реальным, но непризнанным суверенитетом. Часть из них существуют под внешним управлением, другие – в присутствии международных миротворческих сил. Фактически возрождается институт опеки, но в форме коллективных мандатов, полученных различными организациями от ООН или присвоенных де-факто. (Мы сознательно оставляем в стороне еще одну современную категорию стран, получившую после Гаванской конференции неприсоединившихся государств название «неприрученные». Причины появления этой категории чисто политические и связаны с нарастанием сопротивления современной модели политической интеграции в форме однополярного мира.)

Фрагментация мирового сообщества усиливает кризис международной институционально-правовой системы. Казалось бы, глобализация должна укреплять примат международного права в отношениях между странами и народами. «Мир без разграничительных линий», по определению Дж. Буша-старшего, должен был регулироваться только «силой права» при безусловном верховенстве норм международного права над национальным. Однако в реальности торжествуют принцип «права силы» и практика двойных стандартов. В международном праве и раньше было достаточно двусмысленностей, но формально однозначного толкования удавалось добиться благодаря балансу сил и военному паритету.

Глубокий и затяжной кризис затронул институциональную систему регулирования международных отношений, прежде всего институты политического регулирования: ООН, ОБСЕ и т. п. ООН постепенно утрачивает реальные полномочия и авторитет, превращаясь, как острят ее сотрудники, в United Nonsense (Организацию нелепиц), а ОБСЕ – также в собственных рядах – называют «организацией по распространению беспорядка в Европе». Многие международные организации, оказавшись не у дел, стали лихорадочно искать новые сферы деятельности. В первую очередь это относится к НАТО и ОБСЕ, присвоившими себе функции глобальной ответственности. При этом ОБСЕ не выполнила своего главного обязательства – сохранения нерушимых послевоенных границ в Европе.

Такое состояние было предопределено тем, что большинство международных институтов создавались для закрепления итогов Второй мировой войны и поддержания ялтинско-потсдамской системы международных отношений в относительном равновесии, а в рамках послевоенной международно-правовой системы – для закрепления мира между сверхдержавами и их союзниками («лагерями»). Кроме того, они должны были не допустить прямой конфронтации СССР и США, переводя ее в плоскость политико-идеологического противостояния и локальных конфликтов.

Отметим важную деталь: все без исключения локальные конфликты времен «холодной войны» управлялись великими державами, подчиняясь логике противостояния двух систем. Та же логика заставляла устранять внутрисистемные противоречия. Допускались лишь те конфликты, которые вписывались в подобное противостояние, остальные подавлялись в зародыше или замораживались усилиями обеих сторон. Эта жесткая схема с 60-х годов несколько искажается появлением в биполярном мире «третьей силы» – постколониальных стран, искавших свое место в мировом сообществе, и Китая, противостоявшего обеим сверхдержавам. Конфликтное поле в мировой политике начинает расширяться и усложняться, а великие державы всеми силами пытаются вернуть конфликты в логику своего противостояния и одновременно заключают соглашения, позволяющие снизить риск прямого столкновения (первый успех – разрешение Карибского кризиса).

С распадом Советского Союза ускоряются как процессы глобализации, так и развитие однополярного мира. Одновременно усиливается тенденция к «мировому беспорядку». Потенциальные и реальные противоречия, подавляемые в рамках обеих социально-политических систем, перерастают в открытые и неконтролируемые. Эта тенденция, проявившаяся в 90-х годах XX в., становится доминирующей чертой международных отношений века следующего. Конечно, нельзя исключать, что многие дремлющие конфликты были сознательно «разбужены» в целях строительства однополярного мира. Яркий пример – балканские события, растянувшиеся почти на два десятилетия и давшие опасный прецедент в уже расшатанной системе международного права. Мы имеем в виду решение Гаагского суда, содействующее дальнейшей легализации самопровозглашенной независимости Косово.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что «балканизация» современного мира есть ответ на однополярность глобализации, хотя и остается лишь одним из ее аспектов.

Тенденция к фрагментации мирового развития коснулась и экономической глобализации. Так, в разгар мирового финансового кризиса появились предложения, фактически направленные на разрыв единого экономического пространства, той сферы, где глобализация, казалось бы, достигла наибольших успехов. Это предложения об отказе от единой мировой расчетной единицы и переходе к региональным и национальным валютам в международных расчетах, об образовании региональных финансово-экономических центров и

т. п. Такие попытки, направленные на фрагментацию мирового экономического пространства и переход к полицентричности в мировой финансово-экономической системе, грозят непредсказуемыми последствиями.

Невольно вспоминаются последствия мирового экономического кризиса конца 20-х–начала 30-х годов XX в. Успешно использовавшиеся тогда для преодоления кризиса методы этатизма применяются и сегодня. Но в политической сфере выход из кризиса в 30-е годы вызвал к жизни «трехполюсную» модель международных отношений, которая трансформировалась в ходе Второй мировой войны в биполярную – прообраз модели послевоенного мира. В обоих случаях последовал кризис международно-правовой системы. Однако есть и отличия. В конце 30-х годов многополярная модель привела к войне с целью утверждения однополярной системы международных отношений. Нынешний кризис с его тенденцией к фрагментарности подрывает модель глобализации в форме однополярного мира.

В такой трактовке проблем кроется больше вопросов, чем имеющихся ответов. Большинство предложений сводится к необходимости перехода к многополярному миру. Многие политики и исследователи утверждают, будто такова реальная устойчивая тенденция. При этом сознательно замалчиваются проблемы устойчивости многополярного мира и неизбежных конфликтов между полюсами в борьбе за гегемонию, а также острой конкуренции между возникающими центрами силы. При всей реальности данной тенденции она пока не может серьезно угрожать нынешней модели глобализации.

В экономической сфере мирового развития места для реальной конкуренции сейчас нет, это дело отдаленного будущего. Но в политической сфере усиливается фрагментация как ответ на угрозу утраты экономического суверенитета или контроля над национальной экономикой. Как показывает нынешний валютно-финансовый кризис, в современной международной системе разделения труда даже монополисты в отдельных отраслях мировой экономики не могут рассчитывать на экономический суверенитет. Об этом говорят и усиливающаяся гонка вооружений как средство укрепления политического суверенитета, и конкуренция в культурной, религиозной, национально-этнической областях как ответ на вызовы нивелирующих тенденций глобализации. Складывается парадоксальная ситуация: экономическая глобализация сопровождается фрагментацией внеэкономических сфер жизни мирового сообщества.

В таких условиях реальной становится и гипотеза о «столкновении цивилизаций», но не в том смысле, который вкладывали в это понятие С. Хантингтон и его сторонники. Скорее всего, обостряющиеся цивилизационные отличия и противоречия есть следствие противоречивости нынешней модели глобализации, которая может стать доминирующей чертой мирового развития. И если в сфере экономической глобализации речь идет о косметическом – кризисном и посткризисном – ремонте существующей системы, то во всех иных сферах, прежде всего цивилизационной, необходимы срочные действия в рамках «диалога цивилизаций», которые, конечно, не приведут к созданию нового «гармоничного мира», но позволят в перспективе приступить к реформированию действующей модели глобализации.

Пора оставить рассуждения о путях к «многополярному миру». Мир может быть только многомерным, а взаимоотношения внутри него должны базироваться не на подчеркивании цивилизационной исключительности, а на общих и всем понятных принципах, не зависящих от особенностей, доводимых до логического абсурда. Вполне возможно, что такими принципами будут демократия в политике, баланс в экономике, многообразие культур, взаимодействие в деле поддержания безопасности и защита окружающей среды.

Конечно, это не панацея, но подобные действия необходимы в условиях, когда фрагментация охватывает регионы и национальные государства.

На уровне регионов упомянутый процесс развивается неоднозначно. С одной стороны, количество региональных организаций постоянно растет, с другой, они в основной своей массе остаются формальными, так как региональная экономическая интеграция наталкивается на глобализацию, нынешней модели которой невыгодно образование автономных экономических центров. Гораздо удачнее проходит такая интеграция в других сферах общественной жизни. Примером может служить успешное функционирование ШОС на фоне прозябания многочисленных региональных объединений на постсоветском и постсоциалистическом пространстве. Единственным исключением является Европейский союз, возникший в конце 50-х годов прошлого века на базе экономической интеграции как «Общий рынок». Тогда все европейские проекты политической интеграции наталкивались на сопротивление США, подменивших эти проекты созданием НАТО – военно-политического союза, позволяющего контролировать политику западноевропейских стран. Долгое время задачи военно-политического контроля диктовала логика противостояния.

Эпоха политической интеграции наступила лишь с конца 80-х–90-х годов, когда исчезло противостояние двух систем, а США занялись устройством однополярного мира. К этому же времени относится и быстрое расширение ЕС. Однако этот процесс имеет две стороны. С одной – возникает и реализуется идея европейского единства, преодолевается раскол между Западной и Восточной Европой. (Условная граница между Западом и Востоком Европы сдвигается. Так, для России восточноевропейскими соседями становятся Белоруссия и Украина.) С другой – эйфория от «победы», выразившейся в расширении границ ЕС, породила новые проблемы: в него вступили страны с нездоровой экономикой и ориентацией не столько на Евросоюз, сколько на США. В результате проблемой стало не только согласование внешней политики ЕС, но и проведение общих

экономических мероприятий, что особенно проявилось в период нынешнего кризиса.

Как уже отмечалось, глобализация изменила систему международных отношений. Жесткий «двуединый» мир начал распадаться вопреки стараниям США, которым все чаще приходилось прибегать к силе для подтверждения своего лидерства. Фрагментации мирового сообщества способствовали и изменения в экономических основах мирового развития. Новую модель отличает использование энерго-, трудо- и сырьесберегающих технологий. В связи с этим ряд стран, ранее включенных в международное разделение труда индустриальной модели мирового экономического развития, оказались на обочине общественного прогресса, а в международных отношениях из-за нарушения традиционных связей начинается процесс маргинализации значительного числа государств и даже целых регионов.

Государства, попавшие на периферию общественного развития, старались доказать свою значимость и место в современном мире. Согласно принципу гиперкомпенсации К.Г. Юнга, вполне применимому и в международных отношениях, это самоутверждение нередко базируется на идее своей религиозно-этнической исключительности. Зачастую эти процессы начинают разрывать социально-политическую ткань национальных государств. В результате меняется и терминология в определении государства в международных отношениях, отражающая как фрагментацию современного мира, так и волну протеста отдельных стран против нынешней модели глобализации, где для них нет места. На смену делению стран по политико-идеологическому признаку приходят государства «непризнанные», «несостоявшиеся», «неприрученные», «страны-изгои».

Процессы фрагментации, развивающиеся в международных отношениях примерно по тем же причинам, начинают разрушать и социальную структуру национальных государств. Глобализация в ее нынешнем виде разрывает сложившиеся социальные связи индустриального мира.

Переход к новому типу развития и глубокий структурный кризис вследствие его неудачи повлекли за собой процессы маргинализации в уже сложившихся обществах и государствах. Новыми маргиналами становятся те, кого можно назвать постоянно безработными (безработица превращается в «профессию»), отдельные возрастные группы (молодежь и лица «третьего возраста») и частично женщины. В маргиналы попадают и некоторые профессиональные группы. Это связано со структурной перестройкой современной экономики в развитых странах, которая ведет к появлению застойных регионов в национальных государствах. В этой ситуации разрушаются социальные связи индустриального общества, а так как человек – существо социальное, то они замещаются системой отношений, казалось бы, уже отвергнутых индустриальным типом развития. В некоторых странах «третьего мира» индустриальный тип развития привел не к созданию социальной структуры индустриального общества, а к консервации социальных связей традиционного типа.

Новый характер мировой экономики ведет к тому, что отдельные страны и регионы, ранее занимавшие достаточно прочное место в международном разделении труда, вытесняются из процесса общественного развития. Результат – поиски новых форм самоидентификации на основе мнимого культурного, религиозного или этнического превосходства. Соответственно в политике ряда стран усиливаются националистические тенденции и изоляционизм.

Этнический, религиозный, культурный раскол, чаще всего в форме национальной розни, проявляется как в государствах, еще недавно считавшихся мононациональными, так и в многонациональных странах.

Фрагментация в форме роста национализма и сепаратистских тенденций выражается прежде всего в увеличении разрыва между уровнями развития отдельных регионов и преобладании в управлении государством одной национально-религиозной группы. Особенно быстро этот процесс развивается при сохранении культурных и языковых различий разных регионов, там, где не сложилась единая политическая нация. Национализм может проявляться в росте сепаратизма до его крайних форм, как, например, в бывшей Чехословакии. А, скажем, в Бельгии уже звучат призывы не только к образованию конфедерации, но и к разделу страны по национально-культурному признаку. Те же причины привели к расколу бывшей Югославии (правда, здесь кризис межнациональных отношений был обострен вмешательством извне).

Нарастание национализма в форме требования сохранить мононациональное государство характерно для большинства европейских стран, но его основы несколько иные. Национализм доминирующей нации является ответом на радикальный национализм малых этнических групп – чаще всего национально-культурных и религиозных диаспор мигрантов с другой политической культурой. Можно с большой долей уверенности констатировать, что политика интеграции и мультикультурализма заходит в тупик (это недавно применительно к Германии признала А. Меркель) и фрагментация мононационального общества набирает обороты. С увеличением доли в населении мигрантов иной культуры, все чаще радикально отвергающих язык, право и традиции страны проживания, размывается и понятие политической нации. В мононациональных государствах возникают «параллельные» общества, живущие по иным законам и в иных измерениях, что подстегивается и «этнизацией» отдельных видов деятельности по национальному признаку.

Распад особенно интенсивно идет там, где произошла смена парадигмы развития. Прежде всего это страны «третьего мира», в которых колониальное прошлое быстро сменилось строительством государств на этнократической основе. В результате это приводит к размежеванию по национально-этническому и культурно-ре-

лигиозному признаку, росту сепаратизма, обострению конфликтов и в конечном счете к гражданским войнам.

Сказанное относится к постсоветскому пространству, и в первую очередь к России. Быстрая смена парадигмы развития, структурный кризис, исчерпание потенций реального социализма в его советской модели показали и нерешенность национальных проблем, и незавершенность складывания единой политической нации в форме новой общности «советский народ». С распадом Советского Союза началась эпоха строительства этнократических государств, этнической фрагментации постсоветского пространства, сопровождающейся кризисами, конфликтами, этническими чистками, миграционными сдвигами в социальной структуре.

Современная Россия балансирует на грани фрагментации, унаследовав все последствия кризиса реального социализма в масштабах многонационального государства. Во-первых, происходит этнократизация национальных регионов вкупе с явным креном в сторону теократизации региональной власти. Правовые нормы начинают подменяться религиозными предписаниями и традициями регулирования общественной жизни. Это, например, почти обязательное для всех местных жителей соблюдение правил рамадана, решение старейшин об изменении правил кражи невест и кровной мести и т. д. Во-вторых, иноязычное население постепенно выдавливается не только из органов власти, но и с территории национального региона. В-третьих, складываются замкнутые национальные диаспоры на территории других регионов и этнизируются отдельные виды деятельности.

Российская политическая нация так и не начала складываться. Напротив, на наш взгляд, идет фрагментация ее «советских» остатков: падает число межнациональных браков, сужается уровень и сфера применения русского языка, нет признаков возникновения национальной идеи. Попытки подменить ее православными ценностями ведут к усилению национально-религиозной фрагментации. Этому, с нашей точки зрения, будет способствовать введение «основ религиозной культуры и светской этики» во всех школах в порядке «обязательного факультатива». Религиозный фактор разобщенности начнет действовать уже на уровне средней школы. Можно сказать, что в государственном и политическом строительстве пока преобладают центробежные тенденции. Опасность дезинтеграции подстегивается ярко выраженным национализмом малых народов России на фоне отсутствия хотя бы идеи национального единства государствообразующей русской нации. Отдельные проявления так называемого русского национализма, как правило, являются ответной реакцией на радикальный национализм регионов и диаспор. Даже в практике правоохранительных органов закрепляется странный принцип оценки правонарушений: действия русских против представителей других этнических групп обычно квалифицируются как преступления на почве национализма, против русских – как обычное хулиганство без националистических мотивов.

Другим не менее опасным фактором усиливающейся фрагментации российского общества является доведение до логического предела, грозящего расколом, принципа всемерного сохранения и развития национальной самобытности наций и народов России. Наблюдается быстрое возвращение к традиционной организации общественной жизни, сопровождаемое доминированием религиозных норм, отсталых форм хозяйствования и общественных связей.

Означают ли эти процессы отмирание национального государства? Вряд ли. Эпоха «мира регионов и народов» пока нереальна. Даже в ЕС после периода его быстрого расширения как-то забывается идея строительства «Европы регионов» на месте «Европы отечеств». Скорее это откат к «новым темным векам», разобщенности стран и народов со всеми вытекающими отсюда последствиями: противоречиями, кризисами и конфликтами, короче, к эпохе «нового мирового беспорядка».

Давид БАБАЯН

Центральноазиатское направление китайской геополитики

МЕСТО КИТАЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

Современный этап международных отношений характеризуется интенсивным соперничеством и борьбой между целым рядом государств за создание нового миропорядка. Особую важность приобретает политика Китайской Народной Республики (КНР). Ряд известных экспертов уже причисляет Китайскую Народную Республику к экономической супердержаве [1]. Некоторые исследователи даже считают, что если в первые 30 лет осуществления экономических реформ в качестве основного императива выступала интеграция Китая с внешним миром, то в течение следующих трех десятилетий основной акцент КНР будет уже ставить на формирование глобального миропорядка [2, с.4]. Будущий миропорядок видится в Пекине в форме многополярности.

Основой стратегии национального развития КНР является представление

Давид БАБАЯН – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Арцахского госуниверситета (Республика Армения)